

НАУЧНАЯ МЫСЛЬ

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2008 ГОДУ

А.А. Гагаев, П.А. Гагаев

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ
И ФОЛЬКЛОР
МИР СКАЗКИ

Монография

Электронно-
Библиотечная
Система
znanium.com

Москва
РИОР
ИНФРА-М

УДК 82-343.4(=161.1)
ББК 82.3(2)
Г12

ФЗ № 436-ФЗ	Издание не подлежит маркировке в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1
----------------	--

*В оформлении обложки использован фрагмент картины
В.М. Васнецова «Иван-Царевич на Сером Волке» (1889)*

Авторы:

Гагаев Андрей Александрович — д-р филос. наук, профессор. Является автором более 120 работ, в том числе пяти монографий и трех учебных пособий по проблемам теории познания, истории и теории культуры;

Гагаев Павел Александрович — д-р пед. наук, профессор. Является автором более 100 работ, в том числе трех монографий и двух учебных пособий по проблемам истории и философии отечественного образования, теории текста как культурно-исторического феномена

Рецензент:

Горланов Геннадий Елизарович — д-р филол. наук, профессор Пензенского государственного университета

Гагаев А.А., Гагаев П.А.

Г12 Русская цивилизация и фольклор. Мир сказки: Монография. — М.: РИОР: ИНФРА-М, 2014. — 202 с. — (Научная мысль). — www.dx.doi.org/10.12737/3777.

ISBN 978-5-369-01340-3 (РИОР)

ISBN 978-5-16-010096-8 (ИНФРА-М, print)

ISBN 978-5-16-101824-8 (ИНФРА-М, online)

В книге на основе субстратной рефлексии исследуется русская народная сказка. Предметом осмысления становится ее философия, филология, педагогика. Сказка описывается как форма народного мифопоэтического сознания русского человека.

Издание адресовано специалистам и студентам, изучающим курс отечественной филологии, а также всем интересующимся историей России и ролью сказки в ее судьбе.

**УДК 82-343.4(=161.1)
ББК 82.3(2)**

ISBN 978-5-369-01340-3 (РИОР)
ISBN 978-5-16-010096-8 (ИНФРА-М, print)
ISBN 978-5-16-101824-8 (ИНФРА-М, online)

© Гагаев А.А., Гагаев П.А., 2014

ВВЕДЕНИЕ

*Народ не выдумывал,
он рассказывал только о том,
чему верил...
А.Н. Афанасьев*

*Что за прелесть эти сказки!
А.С. Пушкин*

В детстве каждый человек встречается с русской (народной) сказкой. Встречается и поражается ее задору, доброте, выдумке. Сказочный мир захватывает юного читателя, несет его в тридевятое царство, дарит ему встречи с Иваном-царевичем, Серым Волком, Жар-птицей, Бабой-Ягой, Емелей, говорящей Щукой, Крошечкой-Хаврошечкой, волшебным конем Сивкой-Буркой и другими чудными героями. В сказке маленький человек открывает для себя иную реальность. В сказке мир поворачивается к нему своим истинным лицом, и это лицо доброе и светло-странное. Светлая странность, сказочность мира выражается в том, что в нем все возможно, возможно все доброе. Мир ждет, чтобы ты помчался творить добро, восстанавливать правду и согласие. Мир тебе в этом светло помогает. И ты с миром все и вся светло преобразуешь. Об этом говорит сказка.

Сказка меняет представления о мире. Сказка не удостаивает жизнь обыденным, малым, скучным (своей малостью, своим довольством), могущим стать отвратным. Сказка влечет в мир большого и светлого. Сказка смеется над отвратным и безжизненным. Сказка зовет в мир светлых деяний и человеческой радости.

И нас сказка встретила в нашем детстве. И нас одарила она своей добротой и призывом к большому и светлому. Ей, как и многие мальчишки и девчонки, обязаны мы верой в хорошее и доброе, потому и решаемся писать о ней, решаемся сказать ей слова благодарности.

Сказка должна присутствовать в жизни современного человека. Сказка не забава, не литературный жанр (в книге будем обосновывать это положение); сказка – выражение некоего глубокого в человеке, того, что связывает его со всем миром (планетным, вселенским), какой ждет участия человека в своем преобразовании.

Сказка в особенности должна присутствовать в жизни русского человека. Русский человек исторически живет сказкой. Его Русь-Россия и есть сказка, та сказка, какую вдохновенно слагает он сам. Слагает и передает своим детям и внукам. Передает как светло-светлое для себя, как память о самом себе, самом себе как дерзающем к невозможному и непременно желаемому.

Русская сказка светло отозвалась в философских, научных, социально-политических, хозяйственно-экономических и иных исканиях

русских людей. Образы и смыслы русской народной сказки присутствуют и в космологических интуициях русских ученых начала XX века, и в дерзновенном стремлении русского человека того же периода утвердить царство справедливости и согласия на планете Земля (Советская Россия), и хозяйственно-экономической деятельности народов России по освоению Евразии в XX веке (Советская Россия), и освоении околоземного пространства в том же столетии (советская космонавтика), и ином светлом и грандиозном.

О сказке писалось много. О сказке высказывались М.В. Ломоносов, К.С. Аксаков, Н.А. Добролюбов, А.С. Пушкин, М. Горький и другие ученые, мыслители, поэты (писатели). Ими определен на многие времена ценностно-культурный контекст осмысления русской сказки. Ими сказка воспринята как слово народа о самом себе, слово задорное, здоровое, глубокое и правдивое.

Сказке посвящены труды таких фольклористов, как В.Я. Пропп, Ю.М. Соколов, А.И. Никифоров, В.П. Аникин и др. В работах этих и других ученых XIX–XX веков (фольклористов) сказка нашла свое глубокое и верное описание. Сказка благодаря стараниям этих ученых заняла достойное место в жизни и сознании русского образованного человека. В одном (существенном), полагаем, отечественная фольклористская мысль указанного периода неправомерно отказала сказке: сказка (когда она и стала собственно сказкой), по мнению ученых, не верит в то, что рассказывает. Сказка есть вымысел, пусть светлый, но вымысел. Когда-то собиратель русских сказок А.Н. Афанасьев (XIX век) не согласился с этой точкой зрения. Не согласился и обосновал другое мнение. Его-то мы и постараемся вслед за незабвенным собирателем народных созданий аргументировать.

В книге постараемся увидеть главное в русской сказке: ее философию, филологию, педагогику (увидеть то, как она внутренне собирается, чем живет, как постигает себя и мир, как воздействует на слушателя, читателя). В книге постараемся увидеть лицо народа русского, явленное в сказке, явленное им самим, без оглядки на чужие воззрения и оценки.

Опираясь в книге будем на субстратную рефлексивность (термин и понятие А.А. Гагаева). Согласно этой гносеологической теории в предмете постижения выявляется общее (субстрат), описывающее его как субъектное, едино-множественное (многоосновное), ставшее-становящееся, живущее в своем времени и пространстве, обращающееся к познающему целое (см. Гагаев А.А. Теория и методология субстратного подхода в научном познании. Саранск: МГУ, 1994).

Срединным в осмыслении реалий мира русской сказки является понятие картины (образа) мира, представленной в последних (реалиях). Идея образа мира как существенного в познании той или иной культурной реалии (а ею и является сказка) взята из работ Г.Д. Гачева (Наука и национальные культуры. Ростов-н/Д.: РГУ, 1993). Разверты-

вание этой категории осуществляется как на основе учения Г.Д. Гачева, так и субстратной рефлексии А.А. Гагаева. В соответствии с положениями последней картина (образ) мира в русской сказке описывается со стороны ее онтологии, антропологии, аксио-гносеологии и психологии как субъектное, едино-множественное, ставше-становящееся, живущее в своем времени и пространстве, обращенное к познающему образованию.

Материалом для написания книги стали сказки, собранные и изданные великим собирателем русских народных сказок Александром Николаевичем Афанасьевым. В осмыслении теоретических проблем книги опорой для нас стали труды названных и других ученых.

Кого может заинтересовать наша книга? Полагаем, всякий, кому интересна история и культура нашей родины – Руси-России, непременно заглянет в нее, посмотрит ее оглавление и что-то, пусть и скептически, прочитает: мы старались взглянуть на сказку глазами современного человека. Философу, филологу, социологу, психологу, учителю средней школы книга, надеемся, поможет в их исканиях понять и в этом предвидеть поведение русского человека (в том числе и речевое) в его историческом и частном измерении. Учащему средней школы (и его видим своим читателем) книга расскажет о том, кто собирал и берег его родину, – расскажет о русском народе.

1. МИФ, СКАЗКА И РУССКИЙ МИР

Изначально человек (род людей) рождается самим собою. Его духовность в веках столь же будет изменяться, сколь и оставаться верной себе самой. Такова природа земного человека. Миф и сказка являют неизменное в наших душах.

Русский мир особо пристрастно в веках следовал неизменному в себе и потому обращался к мифу и сказке. В мифе и сказке черпал он столь нужные ему силу и уверенность в своем искании истины.

1.1. МИФ И ЧЕЛОВЕК

*Наша психика является частью
окружающего нас мира,
и ее тайна также безгранична
К.Юнг*

Миф • Психология человека, живущего мифом • Семантики мифологического сознания • Миф и современный человек

Человек в главном и в наше время остался таким, каким он некогда и пришел на планету Земля. Ничто – ни орудия труда (меняющиеся век от века, десятилетие от десятилетия), ни формационные отношения в социуме – не изменили его природу. Человек продолжает верить в миф и живет мифом.

Миф

Миф (его существование) есть выражение теснейшей связи человека с мирозданием (вселенной, природой). Изначально (по возникновении) человек ощущал свою связь с миром природы (мирозданием). Земля, небо, воды, ветры, лес, горы, равнины, люди, звери – все едино. Природа у всего одна. Все – живое. Все исполнено искания справедливости и все связано друг с другом, связано странной, большей частью невинной разуму – нерациональной – связью.

Все стремится исполнить закон своего бытия: родиться, стать собою, заявить о себе (прежде всего среди себе подобных), выплеснуть из себя энергию и жажду большой и светлой (высокими устремлениями) жизни и, исполнив предначертанное (оставив след в бытии, пусть и ценой жизни), уйти в небытие.

Все живет общей жизнью. И жизнь эта таинственна, грозна и светло-величественна. Жизнь эта грандиозна масштабами приведения в движение самых различных сил и реалий. Сотворение мира, развертывание его стихий, столкновение их, рождение новых существей и

героев, крушение и новое рождение мира – все это и есть общая жизнь всего. Все это и есть подлинное бытие.

Мир как одно (как единое) не может жить малым, убогим, отдельным и пр. Он во всем весь. И потому удел его – драма, величие (высокие устремления) и грандиозность. И беда тому или тем, кто встает на его пути, на пути развертывания его стихий, его основы и пр. И слава тому или тем, кто с ним разделит его драму и высокое величие.

Как живое, природа (мир) ищет согласия в себе самой, грозного, но согласия. Как живая духовность, мир устает от бурь и треволнений в себе самом и затихает, замирается с собою. Так в бытии наступают периоды затишья, покоя. Но покой этот грозен: живое рано или поздно пополнится ощущением новой драмы, взорвется исканием величественного и грандиозного. И тогда опять бытие обретает себя в бурях и столкновениях.

Живое, единое бытие, являя себя, однажды прозревает и начинает узнавать себя и потому стремится удержать свои сокровенные движения. И вот тут ему и требуется человек. Человек как творение бытия (как разумное существо) способен запечатлевать происходящее, осмысливать его и передавать, передавать пережитое в веках из поколения в поколение. И бытие востребует человека (востребует Гомера, авторов Калевалы, Махабхараты и Рамааны и пр.). Оно вбирает его в себя, тем более, что того и желает пытливая душа последнего. Бытие вместе с человеком творит себя само, творит и познает, познает.

Зачем это бытию? Миф как некий взгляд на мироздание, удерживающий в себе выше приведенные реалии, не отвечает на этот вопрос (не в этом его рефлексия). Миф лишь ставит человека в середину бытия, ставит его вровень с бытием и указывает ему удержать в своем (человеческом) сознании важнейшие черты бытия: таинственное (рационально не внятное), единое (и человек в нем), живое, ищущее познания себя и величественно-грандиозное по своим устремлениям и возможностям.

Психология человека, живущего мифом

Человек, живущий мифом (живущей зарею человеческой цивилизации), светло и с доверием воспринимает окружающее. Все для него ново, свежо, необычно. Во всем он готов видеть жизнь, ее задор, ее драму, ее свет и тьму. Человек отдается жизни. Он верит, что она его не обманет. Она такая, как он: она молода и энергична. Ей внятно светлое и величественное. Она обещает так много и так много дает. Дает тому, кто ей отдается без остатка. Внимай и слушай жизнь, человек. Слушай и будет и твоя жизнь полной событий и подвигов. И будет тебе что вспоминать на закате жизни. И будешь ты детям своим рассказывать, как доверял ты судьбе, как отдавался ее призывам и как трудно и радостно тебе было следовать своему предназначению...

Так доверчиво, так беззаветно доверялись призывам судьбы герои «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, так дружно откликались на звучащее в их сердцах стремление вернуть из «злой Похъелы» волшебное Само по вещей песнопевец Вьянямейнен и искусный кузнец Ильмаринен в «Калевале», так живо откликался на завет своего батюшки Иван-царевич или Иван, крестьянский сын, в русской волшебной сказке...

Человек, живущий мифом (не разделяющий себя с природой, бытием), никогда не испытывает одиночества. С ним рядом всегда большая, большая жизнь. Она и в восходе солнца, и в порыве ветра, и в теплом дождике, и в раннем сумраке ночи, и в исканиях и надеждах других людей, и в грядущем сражении народов, и в деяниях богов-громовержцев, и в самой судьбе (если ее принимает человек) и пр. Слушающий и внимающий жизни всегда слышит ее ровное (или тревожное, или иное) дыхание.

Вот Иван-царевич оставляет родительский дом и оказывается в «чистом поле». И вот рядом с ним начинают проявлять себя грозное чудное пространство (с его выбором пути налево, прямо, направо), заботящийся о человеке «серый волк», другие страны, другие люди и пр. Мчится царевич по пространствам и временам, и звучит в его сознании (его психике) голос большой, большой жизни (большого бытия).

Вот Василиса Прекрасная идет по лесу и видит, как «скачет мимо ее всадник: сам белый, одет в белом, конь под ним белый, и сбруя на коне белая...»; идет она дальше и видит, как «скачет другой всадник: сам красный, одет в красном и на красном коне...» [5, 161]... И так всю жизнь будет Василиса Прекрасная встречать и встречать живых существ на своем пути и с ними, в единении с ними, искать и обретать свое счастье.

Ощущает человек, верящий и живущий мифом, что подлинное бытие не его одного только или чье-то другое, но общее бытие. Общее бытие и человека, и зверя, и реки, и леса, и неба, и всего того, что только еще открывается пытливому взору человека. Оно и есть только реальность. И в нем человек и обретает себя самого как духовность, как внимающий себе и вечности.

Живущий мифом (отвратно) не рационализирует свое бытие. Он отдается ему весь, без остатка. Он живет всем собою, его поведение целостно (цельно). Живущий мифом интуитивно (не рефлексировав) не доверяет разуму (рассудку) все и вся осмысливать. Разум для мифологического сознания есть то, что придет к человеку много позднее его исторической юности и принесет ему помимо прочего отстранение от полноты его (человека) бытия, потерю многих и многих переживаний и семантик.

Живущий мифом открывает в себе бытие: верою, мыслью, чувством, воображением, интуицией, поступком, интенцией – всем собою – и ищет выражения его в самых различных цивилизационных формах (искусстве, науке, действии и пр.). Открывает, а значит и живет с

ним, ощущает его в себе, дает ему простор, не навязывает ему тех или иных (рассудочных) форм.

Цельность души живущего мифом человека выражается в сбережении, в поведении единства составляющих ее (души): и чувство, и мысль, и вера, и воля, и интуиция (способность к прозрению) – все в ней светло открыто звучащему и внутри и вовне голосу мироздания.

Герои «Илиады», «Калевалы», персонажи эпоса о Гильгамеше, пророки Ветхого Завета, Махабхараты и Рамаяны и др. – все они не лишены сомнений (в верности избираемого решения и пр.; всем им разум подсказывает опасности предпринимаемых действий), но все они живут не ими (сомнениями, скепсисом) – все они дерзают жить охватывающих их целиком переживанием великого и неотложного. И герои русской сказки полностью отдаются светлым и великим чувствами.

Живущий мифом ожидает призыва вечности и героически следует ему, всегда ожидает, даже если и не признается себе в этом. Вечность – как подлинное бытие, как неизменно светлое – живет в нем, как в своем доме. Всякий из людей – частица бытия, грозного и величественно-грандиозного. И неизменно бытие призывает свои малые части собраться и вздыбиться вихрем событий, океаном дерзаний.

Миф освящает жизнь человека великим и светлым. Миф отрицает человека как сирое и отвратное существо. Миф объемлет человека великим и добрым. Мифом человек учится быть собою истинным.

Моисей ожидал воззвания к себе Господа, Гильгамеш предчувствовал, что ему придется отправиться в небытие в поисках бессмертия для людей, Вьянмайнен всей своей вещей жизнью предуготовлялся вернуть своим собратям Сампо, Гектор готовился к смерти, ища себе жизни героя...

Иван, крестьянский сын, сразу, не раздумывая, откликается на призыв вечности (того, что собирает мироздание, делает его правым, живым и грозным) и идет на могилу отца, и побеждает, побеждает, побеждает...

Советские люди (их удел – светлый и трагический миф) в 30–40 годы XX столетия предчувствовали, что их позовет история защитить человечество от страшной угрозы, предчувствовали и едино и грозно откликнулись на призыв вечности и победили в страшной войне 1941–1945 годов.

Живущий мифом склонен творить, дерзать к некоему большому и светлomu. Ощущая все и вся как живое и целое, ощущая все как ищущее великого, человек предрасполагается воспринимать и принимать мир как способное к преобразованию (развитию, изменению и пр.), великому преобразованию. Творение (созидание, открытие изменений, возможностей и пр.) лежит в природе нашей души и всего мира. Мертвенная душа тем и мертвенна, что ею утеряна способность чув-

ствовать, мыслить, открывать в себе движения мира, вступать в иное, светло менять себя и светло менять окружающее.

Крупными учеными не однажды отмечалось, что лишь религиозное (мифологическое) мышление могло привести человека в эпоху просвещения к открытиям в физике, биологии и пр. (так, например, П. Тейяр де Шарден пишет, что лишь «проницательность верующего» могла «почувствовать» и научно обосновать единство мироздания в XIX веке; 4, 525).

Мифическое (архетипическое), по выражению К. Юнга, «завораживает» душу человека и зовет его к некоему грандиозному [9, 76, 85].

Миф учит человека постигать самого себя. Ставя человека вровень с собою, миф побуждает его соотнести себя с великим и неизбежным (бушующим мирозданием). Соотнесение предполагает всматривание в себя, оценивание своих возможностей, постижение своих достоинств и слабостей. Миф стоит у истоков рождения души человеческой. Душа возрастает в могучем дыхании мифа. Возрастает в волнениях героев, исканиях ими великих целей, их мольбах, благодарности, гневе и других человеческих качествах..

Кто мы – ахейцы? Так ли любимы мы богами? Что нам предпосылает Зевс-громовец? С позором или славой возвратимся мы от стен Трои? Достоин ли я называться ахейцем? И кто я среди ахейцев?.. Все эти вопросы в «Илиаде» Гомера (вопросания героев) будят мысль древнего грека, тревожат его сердце; все они востребуют от него его души (его рефлексии).

Живущий мифом ощущает грядущее. Ему оно внятно. Внятно, потому как для него нет разрыва между прошлым и будущим. Все есть одно. Начало есть то, что найдет себя в продолжении и завершении. Оно есть все и все как неизменное (по одному из своих оснований). Живущий единством со всем и вся легко это ощущает. Отдается этому и потому может и слышит в себе продолжение и завершение (свое и всего).

Вещает Гильгамеш людям их вековечное искание бессмертия, предрекает евреям их грядущее Моисей, открывает людям Вайньямейнен начала их бытия... Русская сказка в лице своих персонажей обещает и открывает русским людям чаемую ими жизнь...

Семантики мифологического сознания

Мифологическое сознание движется, прежде всего, посредством развития в себе особых семантик. Под семантикой в данном случае понимается схема-значение (схема-ориентир), посредством которой наше «я» (сознание) постигает окружающее и себя самое. В сознании человека всегда присутствует набор (ансамбль) базовых для его мироздания (его картины мира) семантик.

Ансамбль семантик человека с мифологическим сознанием (человека, живущего мифом) с учетом сформулированного выше, пред-